

Татьяна Снежко

ЗАЛОЖНИЦА ШУМЕРА
РОЖДЕНИЕ
ИСТИНЫ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4(2Рос-Рус)
С53

Снежко Т.

С53 Заложница Шумера. Рождение Истины / Т. Снежко — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 288 с. — (Заложница Шумера).

ISBN 978-5-517-11705-2

Пройти сквозь лед и огонь. Провалиться в подземный океан. Остаться без руки с вырванным сердцем. Заняться любовью с шумерским богом и наутро ничего не вспомнить... Что делать, когда трансформируешься в прямом эфире у всех на глазах?

Как редактору новостного канала самой не стать поводом для новостей? Алиса сильно изменилась, и следует хорошенько подумать, как овладеть собой и избавиться от злобных шумеров.

Путь к Истине только начат. И неужели ей предстоит идти по нему одной?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11705-2

© Татьяна Снежко, текст, 2024
© Светлана Кобелева, обложка, 2024
© RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ЧАСТЬ 4

Путешествие в прошлое

— Э-эл... — глубокий, удивительно чистый голос за-
вораживал, заполняя тягостную пустоту внутри. Гипнотиче-
ское эхо освободилось из подсознания и зывало. — Э-эл...

Этот тихий зов вырвал меня из темной бездны. Знакомый
и одновременно чужой голос звал мужчину, которого я не
знала, но тот хрустальный голос, очевидно, знал его хорошо.

— Будь её проводником на Земле, чтобы она могла на-
дежно и прочно себя чувствовать. Стань якорем в том мире до
конца, чтобы ни случилось, пока я не буду готова принять исти-
тину такой, какая она есть. И тогда я освобожу тебя от Шу-
мера.

Я словно подслушала чужую тайну, и жутко хотела узнать,
о чем будут говорить дальше. Но вокруг перестали пульсиро-
вать космические струны, и неистовый дух испарился, оставив
без сил. Затем на какой-то миг показалось, что пространство
и время распяли мое тело между небом и землей. Будто Все-
ленная решала, что делать с ним дальше. Передумав погло-
щать, она выплюнула его обратно, окатив удушливой волной,
которая прокатилась по всему телу, отдавая блуждающей
болью.

Ну, вот и все! Вернулась! Жестокий и опасный мир принял меня как не родную. Тысяча энергетических стрел пронзили слабое тело, и оно провалилось куда-то вниз.

Обладательница того прекрасного хрустального голоса, кто она?

И этот Эл, кто он? Или может она произнесла Фэл?.. Феликс? Это был ты?..

Смогу ли я найти ту загадочную женщину? Ох, чувствую я, всё началось именно с неё.

Приземление было жестким: в спину впились деревянные брусья. Голова и руки безвольно повисли, ноги совершенно не чувствовались. Неужели это перелом позвоночника? Лучше бы тогда головой ударилась: не пришлось бы жить калекой. Огромный минус новой оболочки — ее эмоциональная и физическая чувствительность.

Неожиданно я пожалела о своем решении остаться. За все время пребывания на планете всего лишь на один вопрос был получен ответ, а осталась еще тысяча. Меня охватило такое отчаяние, что перестала ощущаться острая боль в области лопаток. Господи, даже если что-то еще узнаю, у меня никогда не получится отсюда сбежать.

— Ты сможешь, — запульсировал в моей голове мужской голос.

— Не смогу, — просипела я вслух. Во рту все пересохло, и язык прилип к небу.

— Сможешь, — повторил он тоном, не терпящим возражений.

Не убедил. Вот только я заложница и не хочу с ним спорить. Пусть будет, как будет. Ни сил, ни тем более желания сопротивляться неизбежному не было.

Сквозь мутное сознание извне пробились тягучие, как на заезженной пластинке, голоса.

— Абэ, неужели было недостаточно установить связь? Пытаться управлять первородной энергией не лучшее твоё решение, — это был голос Феликса.

— Первородной? Я не почувствовала в ней пробуждение изначальной, и на твоём месте не была бы так уверена в этом, — послышался голос Абэ.

— Ты даже не поняла, что потеряла часть себя, так неосторожно и бездумно прикоснувшись к ней.

— Не говори мне о своих догадках. И тебе не стоило нарушать правила игры. Точность правил — наше все. Участвовать должен только один.

О чем они говорят? Разве на сцене был второй участник? Я думала, что лохматая копия Преподобного — всего лишь голограмма. Интересно, кто такая Первородная, с которой у Абэ произошел серьезный конфликт? Может быть, местная шаманка или еще выше — президент планеты? Все так запутанно, точно уравнение с пятью неизвестными и одной постоянной, где эта постоянная — я. И она постоянно во что-то влипает, как сейчас.

Шевелиться, а тем более открывать глаза совершенно не хотелось. В битве титанов землянам лучше побыть в стороне. В любой ситуации нужно больше слушать, чем говорить.

— Абэ, твоё игра — твои правила. Причем здесь точность? — раздался голос Мордашки. — В нашей жизни нет ничего точного. Не в этом ли её прелесть?

— Исчезни, Четвертый, — скомандовал Феликс.

И Мордашка тоже здесь. Этот негодяй оказался не только любителем острых ощущений, но и философом. Только вот никак не пойму, зачем он там в арке толкнул меня к краю, а затем ждал, когда я сама упаду. Логичнее было бы сразу сбросить меня вниз — и дело с концом. И как я сразу не догадалась, что это еще один брат Феликса? Теперь я знакома и с Четвер-

тым. Вся его большая семейка старается окружить меня чрезмерным вниманием, пытаясь спровадить подальше, как невероятную «невестку». Похоже на банальную мелодраму. Прискорбно, что технологии на Шумере развивались миллионы лет, а отношения остались средневековыми.

Баттл между Феликсом и жемчужной дивой продолжался.

— Абэ, ты ведь не человек, но почему-то видишь только то, что видишь. Быть шумером — значит видеть то, что не видели все, и думать так, как не думал никто, — с укором произнес Феликс.

— Видеть легко, труднее предвидеть, — уточнил Четвертый.

— В отличие от Абэ, у тебя, брат, с предвидением не должно было возникнуть сложностей. Но и ты настолько погружился в будущее, что в настоящем не видишь дальше собственного носа, — снова Феликс.

— А вот я чувствую в ней энергию Дамо, — глухо сказала Абэ. — Знаешь, когда рушится мир? Когда ты его рушишь. Ты меняешь наш мир для нее, но в нем уже не будет нас.

— Жаль, что, не зная главного, ты делаешь ошибочные выводы, — голос Феликса стал жестче.

— Главное в том, что во Вселенной боги — это мы, — отрезала Абэ. — А ты, как и он, хочешь это изменить.

— Вселенная — лишь механизм для создания богов. Самый сильный бог тот, который творит следующую ступень эволюции. И Дамо создал ее. Дуайены сколь угодно могут заблуждаться, но в тот момент, когда исчез Дамо, мир начал меняться, и никто и ничто уже не сможет это остановить, — он заговорил вдруг тише. — Ты, как и другие, не способна осознать свои ошибки. Но учти, богиня игры, не завышай представлений о собственных способностях. Будущее никому не гарантировано.

Конечно, спокойствие и терпение — это величайшие проявления внутренней силы и, как цитировали богов в священных писаниях, это величайшие добродетели. Но, Преподобный, теперь, когда стало ясно, что очередное покушение на мою жизнь организовала Абэ, к чему вся эта вежливость? Она как фиговый лист эгоизма, который сейчас нафиг не нужен. Феликс мог бы опустить все эти бла-бла-бла про перемены и будущее и просто сказать: не лезь не в свое дело, блондинка крашенная! Если они боги, то почему не оставят меня в покое? А бог по имени Дамо, который что-то сотворил и исчез, как и остальные, тоже был против меня? Неужели на этой планете только Феликс на моей стороне?

— Вы оба то ли ужасно милые, то ли просто ужасные, — Абэ вдруг звонко засмеялась.

А она молодец! Смех — отличный выход из неприятного положения. В любой ситуации улыбайся. Тебе это ничего не стоит, но многое дает.

Только сейчас я обратила внимание, что на ней больше не было того роскошного платья. Тело Абэ покрывала ледяная корка. Капли воды, до этого искрящиеся белым жемчугом, замерзли и превратились в скорлупу, которая издавала легкий хруст при движении, но не ломалась и не осыпалась.

— К счастью, все закончилось хорошо, — как ни в чем не бывало, продолжила богиня черного юмора. — У меня не было дурных намерений. Как мне тебе это доказать?

— Мне это ни к чему, — Феликс по-прежнему был сама любезность. — Чтобы избежать последствий, лучше докажи это ей.

— Ей? Только тратить свое время, — возмутилась несостоявшаяся богиня смерти Кали.

Этимися словами Абэ четко указала, что богиням Олимпа не пристало общаться с низшим существом, коим, по ее мнению, являлась я.

— Вы двое такие глупцы, — ее голос стал жестче. — Ужасно глупые и эгоистичные. Не обманывайте себя, будущего для вас нет. Даже хвараны подтвердят, что...

Женщина вдруг резко замолчала на полуслове. А я почувствовала, как брусья подбросили вверх мое переломанное тело. От встряски я открыла глаза и неожиданно для себя оказалась на руках Преподобного и даже невольно вцепилась ему в шею, чтобы удержаться.

Быстро оценила ситуацию. Во-первых, упала я не на деревянные брусья, а руки телохранителя успели меня поймать. Во-вторых, спина моя совершенно целехонькая, с нервными окончаниями все в порядке, раз руки двигаются. Вон как они вцепились в могучую шею шумера. Начало хорошее. Надо же, сколько позитива и в одни руки. Я слегка похлопала ладоншкой по крепкой мужской шее. Отлично, пальчики тоже работают. Ну, слава богу, а то я переживала и в отчаянии попутала Феликса со строительными брусьями. О, Создатель, почему ты создал шумеров твердыми, как дерево? А, кстати, кто же тогда создал самого шумерского Создателя?

Мы стояли на обломках ледяного амфитеатра: я на руках у Феликса, рядом Абэ и Четвертый. Вокруг нас стеной расплзался рыхлый белый туман. И больше никого. Лишь розовые солнечные лучи пробивались сквозь дымку. Преподобный окинул меня внимательным взглядом и, убедившись, что я в порядке, вновь повернулся к Абэ.

— Думаешь, ты в том положении, чтобы раздавать советы? Вряд ли ты сможешь доказать, что хотела, как лучше.

Проклятье! Как же эта женщина бесит своим высокомерием! Мы с новым приятелем Феликсом мирно прогуливались на этом чудаковатом празднике. Совершенно никого не трогали, даже в мыслях такого не было. Так нет же! Угораздило нас встретить дамочку, которая вынудила моего спут-

ника поучаствовать в какой-то безумной игре с летальным исходом только для того, чтобы понять, из какого вещества я состою. Да на кой черт сдались ее доказательства после того, как она сбросила меня с пятиэтажки?

Переполненная праведным гневом, неожиданно для самой себя я, низшее существо, встряла в разговор богов.

— Доказательства? — громко возмутилась я: мой язык, наконец-то, отлип от неба. — Ну, что же. Раз я не телепат и не могу увидеть истину, — в голосе прорезались истерические нотки, — тогда пусть она разрежет голову и покажет свои кристально чистые мысли.

Абэ какой-то миг выглядела ошеломленной, прежде чем ее глазам вернулось обычное насмешливое выражение и губы расплылись в улыбке. Она решила, что я шучу. Только я уже достигла того уровня гнева, когда сама не знала, шучу я или нет.

— Знаешь, а я не шучу, — серьезно ответила я на ее немой вопрос.

За то, что Абэ устроила мне испытание на человеческую живучесть, хотелось стереть ее в порошок. Нет, я не кровожадная, да и шумерской крови не жаждала. Откуда в них кровь, они ведь не люди? Но тем не менее очень хотелось, чтобы эта зловредная дама исчезла.

Хоть гнев и затуманивал разум, мысли вновь вернулись к волнующей меня теме. Я сильно сомневалась, что после недавних событий я все еще человек. Возможно ли, что я стала бессмертной, как они? В голове не укладывалось, как произошла моя реинкарнация. Сначала из меня вытекла бочка крови, и, утекая, убила меня. Убила ту прежнюю женщину с Земли. А затем доктор Рэм оживил или возродил новую меня. Всего лишь миг назад меня пронзали космические струны, утягивая в темную бездну Вселенной, и вот я вновь жива. Если в реальном мире и существует реинкарнация, то

по идее это должно быть перемещением сущности в иную плоть. Только в моем случае плоть остается той же, а вот сущность не знает границ. Путешествуя в пространстве и времени, она, если и попадает в чужую плоть, то потом все равно возвращается в свою. Никто так меня не понимает, как я сама себя не понимаю.

Что-то очень важное постоянно ускользало. Я никак не могла поймать мысль за хвост, и от этого инстинктивно впилась ногтями в неподатливую теплую кожу шумера, но он даже не вздрогнул. Пока я некоторое время пребывала в раздумьях, в воздухе повисла тишина. И это напряжение требовало действий.

— Седьмой, а твоя женщина со мной заигрывала, — произнес вдруг Мордашка, прищутив огромные голубые глаза.

Четвертый брат, имени которого я пока не знала, решил как-то уж двусмысленно напомнить о своем существовании. По-видимому, он захотел разрядить обстановку, и это был как раз тот случай, когда лучше промолчать, а родители его этому не научили.

— А ты, что же, растерялся? Я не возражаю, наслаждайся, — отбрил его Феликс и, развернувшись спиной к собеседникам, понес меня прочь.

Мы ушли от них, не протившись, быстро, не оглядываясь назад. Подмывало желание плюнуть на все и бежать отсюда все равно куда, лишь бы вырваться из этого ада, пугающего своей непредсказуемостью и зловещей обреченностью. Но с каждым шагом я обретала уверенность и даже немного пригrelась в объятиях Преподобного так, что чуть не уснула. Последний раз на руках меня носили только в детстве.

Кромешную тишину нарушало шлепанье босых ног по мокрой поверхности. Осколки шумерского ледяного Колизея медленно испарялись и туманом уходили в небо.